

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

CIVIL LAW

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-604-621>
EDN: JAPSAB

Научная статья / Research Article

Доктрина тщетности (a doctrine of frustration) и доктрина форс-мажора (a doctrine of force majeure) в индийской правоприменительной практике в цифровую эпоху

А.В. Бегичев , Я.М. Цандер

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
 begichev100@mail.ru

Аннотация. Проведен сравнительно-правовой анализ наиболее актуальных доктрин форс-мажора («force majeure») и тщетности договора («frustration») в индийском законодательстве. *Цель:* исследовать правовую природу указанных концепций, выделить общие черты и различия, а также признаки обстоятельств, влекущих невозможность исполнения договора и являющихся форс-мажорными, посредством анализа индийского законодательства и судебной практики исследовать сферу применения данных концепций в условиях цифровизации и увеличения электронного документооборота. *Методы:* теоретические методы формальной и диалектической логики, сравнительно-правовой, интерпретации, описания; применялись также научно-практические методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм. *Результаты:* доктрина «форс-мажора» в индийской практике применяется в случае определенного «форс-мажорного события», предусмотренного в контракте, тогда как «невозможность» охватывает другие непредвиденные обстоятельства, которые не подпадают под действие положения о форс-мажорных обстоятельствах. При этом в индийской практике «невозможность» означает «неосуществимость», а не просто буквальную физическую «невозможность». *Выводы:* основным отличием концепции фрустрации от форс-мажора в индийской практике является влияние события на договор, при этом, несмотря на имеющиеся различия, данные правовые институты имеют общую цель, которая состоит в уменьшении возможных убытков участников договора в случае возникновения непредвиденных обстоятельств.

Ключевые слова: доктрина форс-мажора, доктрина тщетности договора, невозможность исполнения, электронный документооборот, Индийский закон о договорах 1872, цифровизация, электронные договоры

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Бегичев А.В., Цандер Я.М., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов: *Бегичев А.В.* – сбор и обработка материалов, анализ данных, написание текста; *Цандер Я.М.* – сбор и обработка материалов, анализ данных, написание текста.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00157, <https://rscf.ru/project/23-28-00157/>

Поступила в редакцию: 22 апреля 2024 г.

Принята к печати: 15 июля 2024 г.

Для цитирования:

Бегичев А.В., Цандер Я.М. Доктрина тщетности (a doctrine of frustration) и доктрина форс-мажора (a doctrine of force majeure) в индийской правоприменительной практике в цифровую эпоху // *RUDN Journal of Law*. 2024. Т. 28. № 3. С. 604–621. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-604-621>

The doctrine of frustration and the doctrine of force majeure in Indian law enforcement practice in the digital era

Alexander V. Begichev^{ID}✉, Yana M. Tsander^{ID}

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉begichev100@mail.ru

Abstract. The article delves into the comparative legal analysis of the doctrines of force majeure and frustration in Indian legislation, which are the most relevant in contemporary scenarios. The objective is to examine the legal essence of these concepts, identify similarities and differences, and outline the characteristics of circumstances leading to contract impossibility and constituting force majeure events. Through a review of Indian legislation and judicial precedents, the article seeks to explore the application scope of these doctrines, including in the context of digitalization and the rise of electronic document management. The employed methods include theoretical approaches such as formal and dialectical logic, comparative-legal logic, interpretation, and description. Specific scientific methods comprise juridical-dogmatic analysis and the interpretation of legal norms. The results highlight that in Indian law, the doctrine of force majeure is invoked in the presence of a specified «force majeure event» outlined in the contract, while «impossibility» encompasses other unforeseen circumstances not covered by the force majeure clause. Notably, in Indian practice, «impossibility» is construed as «impracticability» not solely as literal physical «impossibility». In conclusion, a key distinction between frustration and force majeure lies in the event's impact on the contract. Nevertheless, despite these distinctions, both legal institutions share a common objective of mitigating potential losses for contractual parties when unforeseen circumstances impede the fulfillment of obligation.

Key words: doctrine of force majeure, doctrine of frustration, impossibility of execution, electronic document management, the Indian Contract Act 1872, digitalization, electronic contracts

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: *Begichev A.V.* – collection and processing of materials, data analysis, copywriting; *Tsander Y.M.* – collection and processing of materials, data analysis, copywriting.

Funding. The study was financed by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00157, <https://rscf.ru/project/23-28-00157/>

Received: 22nd April 2024

Accepted: 15th July 2024

For citation:

Begichev, A.V., Tsander, Y.M. (2024) The doctrine of frustration and the doctrine of force majeure in Indian law enforcement practice in the digital era. *RUDN Journal of Law*. 28 (3), 604–621. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-604-621>

Введение

Индия на сегодняшний день выступает одной из успешно развивающихся стран и является стратегическим партнером России во многих областях экономики. Двустороннее научно-техническое сотрудничество между Россией и Индией развивается в различных сферах: атомная энергетика, военно-техническое сотрудничество, космос. Существенные различия между национальными законодательствами двух стран, принадлежность к различным правовым системам предопределяет использование договора в качестве основного правового инструмента осуществления международных отношений между коммерческими предприятиями. Безусловно, правовой принцип *pacta sunt servanda* (договоры должны исполняться) имеет ключевое значение в договорном праве. Однако в коммерческой практике возникают ситуации, когда исполнение участниками внешнеэкономических сделок взятых на себя обязательств может быть невозможно в силу определенных обстоятельств, на которые субъекты данных правоотношений не имеют возможности воздействовать. Природные катастрофы и стихийные бедствия, нестабильная экономическая и политическая ситуация, последствия пандемии covid 19, вводимые ограничения и санкции со стороны ряда государств затрагивают не только экономику стран в целом, но и хозяйствующие субъекты, являющиеся сторонами внешнеэкономического контракта и создают дополнительные риски невозможности его исполнения. Особую значимость данная проблема приобретает сегодня, в эпоху цифровизации и бурного технологического развития. Возникла необходимость использовать более удобные способы оформления документов, что, в свою очередь привело к широкому распространению в коммерческой практике электронного документооборота и дистанционных цифровых технологий (Begichev, 2022a). Стремительно растет количество электронных договоров. Очевидным преимуществом таких договоров является то, что цифровое взаимодействие способствует развитию деловых и организационных связей, упрощает коммуникацию между контрагентами. Однако использование участниками гражданского оборота (в том числе внешнеэкономической сделки) электронных договоров ставит перед юридической наукой и практикующими юристами новые вопросы, требующие их незамедлительного решения. Исполнению данных сделок также может помешать возникновение различных непредвиденных обстоятельств. При этом применение традиционных принципов права в цифровую эпоху оказывается непростой задачей, что вызывает необходимость переосмысления уже сложившихся доктринальных подходов.

В связи с этим представляется актуальным проведение анализа доктрин форс-мажора (*a doctrine of force majeure*) и фрустрации (*a doctrine of frustration*) в условиях развития цифрового общества как правовых институтов, позволяющих освободить должника от ответственности и дальнейшего исполнения договорных обязательств в случае наступления обстоятельств, повлекших невозможность исполнения в индийском законодательстве с целью выработки оптимальных правовых средств защиты сторон договора и минимизации рисков российской компании как участника внешнеэкономической деятельности.

Определение форс-мажора и («force majeure») и фрустрации («frustration»)

Доктрина форс-мажора и доктрина фрустрации являются общепризнанными моделями и нормами, применяемыми в ситуации невозможности исполнения коммерческих контрактов (Fonotova & Indinok, 2022).

Вначале обратимся к истории вопроса. Люди издревле вынуждены были учитывать влияние непредвиденных, неподвластных человеку ситуаций. Еще в праве Древней Индии были заложены основы освобождения от ответственности в случае наступления обстоятельств, влекущих невозможности исполнения. Так, в Артхашастре, или Науке политики Каутилья, упоминаются «великие бедствия, посланные судьбой: пожары, наводнения, болезни (эпидемии), голод, крысы, хищники, змеи и злые духи»¹. В другом памятнике древнеиндийского права – в законах Ману (II в. до н.э.) «несчастье, произошедшее по воле богов»², рассматривается как основание для освобождения перевозчика от штрафа.

Понятие *vis major* (непреодолимая сила) перешло в новейшее законодательство из римского права и означает «непредотвратимость вреда теми мерами предосторожности, которые требуются от добропорядочного хозяина (*diligentia diligentis patris familias*)» (Pirviz, 2010). «*Vis major*» определялся римскими правоведами как «непредотвратимый случай, которому невозможно противостоять, даже если о нем было заранее известно – *casus cui resisti non potes*» (Novitskii & Pereterskii (eds.), 2014). Должник освобождался от ответственности, если утрата вещи произошла вследствие непреодолимой силы, за исключением тех случаев, когда действию непреодолимой силы предшествовала вина должника. В качестве примера «*Vis major*» приводились такие события, как землетрясение, обвал, кораблекрушение, нападение разбойников и т.д.

В современном понимании доктрина форс-мажора впервые была сформулирована в Гражданском кодексе Франции. Следует отметить, что как предыдущие редакции кодекса, так и действующая³ не дают легальной дефиниции указанного понятия, ограничиваясь указанием на то, что не подлежат возмещению убытки, возникшие в результате неисполнения или просрочки исполнения обязательства ввиду действия непреодолимой силы («*force majeure*»). При этом бремя доказывания такого события лежит на должнике, который должен предоставить доказательство того, что неисполнение или просрочка произошла не по его вине и что он действовал добросовестно, то есть принял все разумные меры, чтобы избежать соответствующие правовые последствия. Указанные правила, по сути, были заимствованы из римского частного права. Признаками обстоятельств, повлекших невозможность исполнения в целях их квалификации в качестве форс-мажорных во французском законодательстве, является их непредотвратимость и непредвиденность.

¹ Артхашастра, или Наука политики: Пер. с санскрита / изд. подгот. В. И. Кальянов; [Рос. АН]. М.: Науч.-изд. центр Ладомир: Наука, 1993. 793 с.

² Законы Ману, пер. С.Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г.Ф. Ильиным. М.: изд-во восточной литературы, 1960. 372 с.

³ Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) от 21.03.1804 (с изм. и доп. по состоянию на 01.09.2011). М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 4–592. Электронный ресурс // СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=55696&cacheid=7818B7C6E6CD55E6BD421E47FEB2D44A&mode=splus&rnd=m0cdIlg#6U1nM7UiwI4b42lp> (дата обращения: 12.03.2024).

В современной юридической доктрине выделяют несколько теорий, пытающихся объяснить правовую природу данного института, от которых зависит также и стандарт доказывания наступления обстоятельств непреодолимой силы: объективная, субъективная и объективно-субъективная.

Согласно объективной теории под непреодолимой силой понимается событие, имеющее внешний характер по отношению к должнику, то есть не связанное с поведением сторон обязательства. С точки зрения объективной теории обязательство не прекращается, и должник будет нести ответственность, если невозможность наступает по причинам иным, чем непредвиденный случай и непреодолимая сила. Объективная теория сводится к конструированию понятия непреодолимой силы исходя из ее объективных (внешних) признаков, указывая на возможность возникновения таких причиняющих вред событий, которые фактически устраняют вероятность вины должника в нарушении обязательства.

В соответствии с представлениями сторонников субъективной теории непреодолимая сила – это «явления природы и деяния посторонних лиц, если их нельзя ни устранить, ни предотвратить и, если они влекут вредные последствия, которые нельзя избежать, даже если соблюсти всевозможную или требуемую при данных обстоятельствах осторожность» (Tololaeva & Tserkovnikov, 2023a; 2023b). Таким образом, событие оценивается через поведение должника – возможно ли ему было предотвратить событие при проявлении должной осмотрительности. То есть, согласно субъективной теории, непреодолимая сила ставится в зависимость от вины соответствующей стороны договора.

В литературе выделяется также объективно-субъективная теория (Korshunova, 2008) непреодолимой силы, одним из представителей которой является немецкий исследователь частного права Л. Эннексерус, предложивший следующее определение: «непреодолимая сила – это такое событие, которое хотя и происходит извне, но предотвратить вредоносное действие которого нельзя, несмотря на принятые меры, предпринятые разумным отношением к делу» (Ennekserus, Kipp & Wolf, 1950).

В российском гражданском законодательстве термин «форс-мажор» не используется. Гражданский кодекс РФ оперирует термином «обстоятельства непреодолимой силы», под которыми понимаются чрезвычайные и непредотвратимые при данных условиях обстоятельства. Одной из характеристик непреодолимой силы наряду с непредотвратимостью и чрезвычайностью Верховный суд РФ⁴ в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории РФ новой коронавирусной инфекции называет также ее относительный характер. Следует отметить, что как само понятие непреодолимой силы, так и понятия чрезвычайности и непредотвратимости правоприменительная практика относит к так называемым оценочным понятиям, при этом существенно то, что одновременное проявление этих признаков является необходимым критерием, которое с учетом оценки конкретных

⁴ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 5, май, 2020, Официальные документы, № 18-19, 19-25.05.2020 (еженедельное приложение к газете Учет, налоги, право) // СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: <https://online1.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=350813&cacheid=5E39F74BD549D70FCA213A024950DA9F&mode=splus&rnd=m0cdIg#Zk3oM7UMVgVpbWF72> (дата обращения: 12.03.2024).

условий позволяет суду квалифицировать то или иное обстоятельство как обстоятельство непреодолимой силы.

Верховный суд сформулировал правовую позицию, согласно которой под чрезвычайностью понимается исключительность, выход за пределы «нормального», обыденного, необычайность для тех или иных жизненных условий, что не относится к жизненному риску и не может быть учтено ни при каких обстоятельствах. Обстоятельство признается непредотвратимым, если любой участник гражданского оборота, осуществляющий аналогичную с должником деятельность, не мог бы избежать наступления этого обстоятельства или его последствий.

Следовательно, в современной отечественной науке сформировались следующие признаки непреодолимой силы: чрезвычайность, непредотвратимость, внешний характер, относительный характер, а также наличие причинной следственной связи между событием и последствиями, к которому данное событие привело.

В международном праве под форс-мажорным обстоятельством понимается «такая ситуация, при которой субъект вынужден действовать вопреки международному обязательству в результате действия непреодолимой силы или не поддающегося контролю непредвиденного события» (Lukashuk, 2007).

Положения о событиях, повлекшие за собой ситуацию невозможности или существенной затруднительности исполнения контрактов, закреплены также в международных актах. Так, п. 1 статьи 79 Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 (далее Венская Конвенция)⁵ содержит следующее положение: «сторона не несет ответственности за неисполнение любого из своих обязательств, если докажет, что оно было вызвано препятствием вне ее контроля и что от нее нельзя было разумно ожидать принятия этого препятствия в расчет при заключении договора либо избежания или преодоления этого препятствия или его последствий». Аналогичным образом основания освобождения от ответственности за неисполнение обязательств по контракту определяются в Принципах международных коммерческих договоров (далее Принципы УНИДРУА) (ст. 7.1.7., п.1)⁶.

Положения о затруднениях содержатся в ст. ст. 6.2.1–6.2.3 Принципов. Затруднениями считается случай, когда возникают события, существенным образом изменяющие равновесие договорных обязательств в силу либо возрастания для стороны стоимости исполнения, либо уменьшения ценности получаемого стороной исполнения, при этом необходимо соблюдение следующих требований: а) события возникают или становятся известны потерпевшей стороне после заключения договора; б) события не могли быть разумно учтены потерпевшей стороной при заключении договора; в) события находятся вне контроля потерпевшей стороны; и д) риск возникновения этих событий не был принят на себя потерпевшей стороной.

Исследуя подходы к формулированию понятия «непреодолимой силы» в международных актах, следует отметить, что в статье 7.1.7. Принципов УНИДРУА, которая называется «непреодолимая сила (форс-мажор)» также, как и в статье 79

⁵ Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Заключена в г. Вене 11.04.1980) // СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=DXcaVQ&base=CMB&n=17547&dst=100136&field=134#YHboM7UoFYipsWJo> (дата обращения: 12.03.2024).

⁶ Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) (1994 год) // СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=14121&dst=1000000001&cacheid=0EFB13F20ACB10A959250419E77C1C61&mode=splus&rnd=DXcaVQ#32soM7UjNyu0C3wB> (дата обращения: 12.03.2024).

Венской конвенции, указывается на обстоятельства, являющиеся препятствием вне контроля должника. Таким образом, Принципы УНИДРУА, используя французский подход, наполнили его содержание концепцией Венской конвенции «препятствие вне контроля стороны». Использование «разработчиками Венской конвенции абстрактных категорий, таких как «препятствие вне контроля» вместо понятия «форс-мажор» или «непреодолимая сила», в свою очередь обеспечивает ее универсальность» (Kanashevsky, 2008).

Следует отметить, что такие понятия, как «форс-мажор», «затруднения» и «непреодолимая сила» в разных правовых системах имеют неодинаковый смысл, что обусловлено прежде всего существующими различиями между национальными правовыми системами, содержащими иногда различные концепции невозможности исполнения договора. Учитывая, что данные различия не позволяют сформулировать общие для всех стран определения, предложенная разработчиками Принципов УНИДРУА формулировка форс-мажора охватывает ситуации, входящие в доктрину фрустрации, но не идентична им.

Доктрина тщетности (a doctrine of frustration) представляет собой общепризнанную концепцию общего права, направленную на освобождение сторон от исполнения обязательства в случае наступления события, которые стороны не могли ожидать при заключении договора. Особенностью данного правового института является то, что в результате возникновения непредвиденного события фактическое исполнение будет кардинально отличаться от того, что стороны изначально согласовали, либо делая такое исполнение бессмысленным и слишком обременительным.

Помимо этого, в отличие от форс-мажора доктрина фрустрации не приостанавливает, а прекращает договор и не предполагает его изменение. Доктрина фрустрации применяется также лишь в тех случаях нарушения договорных обязательств, когда стороны не предусмотрели соответствующие положения (форс-мажорную оговорку) в договоре.

Определение тщетности было сформулировано Лордом Редклиффом в деле «Davis Contractors Ltd v Fareham UDC, 1956»: «Тщетность имеет место быть в тех случаях, когда право признает, что без вины какой-либо из сторон договорное обязательство стало невозможно исполнить, потому что обстоятельства, в которых испрашивается исполнение, сделали бы его существенно отличным от того, что было предусмотрено договором. “Non haec in foedera veni” (пер. с лат. «это не является тем, что я обещал сделать»)» (Beatson, Burrows & Cartwright, 2010). Вопросы становления и последующего развития доктрины фрустрации в праве Англии уже были предметом исследования ряда ученых (Protoporova & Botvinnik, 2020), в связи с этим мы остановимся только на некоторых аспектах.

Современная английская теория все основания применения доктрины frustration объединяет в три группы ситуаций: «невозможность исполнения (impossibility), тщетность цели договора (frustration of purpose), и незаконность исполнения (illegality)» (Gimadrislamova & Timofeeva, 2021).

Российское гражданское право не содержит легальное определение дефиниции невозможности исполнения. Между тем в отечественной научной литературе высказывается мнение, что доктрина тщетности договора является концепцией, объединяющей в себе сразу несколько различных институтов континентального права. В российском праве общие положения о невозможности исполнения содержатся в главе 26 ГК РФ и включают в себя следующие правовые институты:

фактическую невозможность исполнения обязательства (статья 416 ГК РФ), юридическую невозможность исполнения обязательства (статья 417 ГК РФ), существенное изменение обстоятельств (статья 451 ГК РФ) (Arhipov, 2020).

В целом следует отметить, что в российской доктрине отсутствуют четкие различия между категориями невозможности исполнения и обстоятельствами непреодолимой силы, что подтверждается также позицией Верховного суда РФ⁷, который проводит различие между непреодолимой силой и невозможностью исполнения исходя лишь из устранимости препятствующего исполнению обязательства обстоятельства. Как разъяснил суд, наступление обстоятельств непреодолимой силы само по себе не прекращает обязательство должника, если исполнение возможно после того, как они отпадут. В данном случае сторона освобождается от ответственности за просрочку исполнения обязательства, при этом договором могут быть установлены специальные правила прекращения обязательств в связи с возникновением обстоятельств непреодолимой силы. Следовательно, обязательства сторон сохраняются, если обстоятельство является временным.

Таким образом, исходя из специфики самого института, а также основываясь на особенностях английского договорного права – абсолютный характер обязательства можно сделать вывод, что применение доктрины тщетности влечет за собой прекращение обязательств по договору и освобождение стороны от исполнения в случае наступления таких обстоятельств, при которых дальнейшее исполнение становится невозможным, тогда как форс-мажор – доктрина, согласно которой соответствующее обстоятельство освобождает сторону от ответственности за неисполнение договора и не всегда влечет за собой прекращение обязательств.

Особенности применения доктрины *force majeure* и доктрины *frustration* в индийском законодательстве

Традиционно считается, что английская правовая традиция оказала огромное влияние на формирование правовой системы современной Индии. Несомненно, созданная Англией система управления оказала значительное влияние на конституционный строй и правовые институты Индии. В результате более чем столетнего британского правления значительная часть индийского законодательства и индийских правовых институтов основана на английском законодательстве. Законы «were drafted by Englishmen» (Rao, 1958).

Однако несмотря на то, что индийское право основано на английской правовой системе, оно имеет свои отличительные особенности, обусловленные особенностями материального и духовного развития, обычаями и традициями, а также собственным уровнем жизни в Индии. Кроме того, как отметил В.А. Белов, результаты проводимого английскими юристами правового эксперимента – установления, нормативного закрепления и практического применения общих начал английского права в индийском законодательстве – положены в основание многих английских законов. Одним из таких примеров может служить Закон Индии о контрактах

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=355061&dst=1000000001&cacheid=613E74B72751CE128244E589657B6A42&mode=splus&rnd=DXcaVQ#Tn8pM7UOW6Xzeq3m> (дата обращения: 12.03.2024).

1872 года⁸ (далее Закон о контрактах), который является одним из старейших действующих на сегодняшний день нормативных актов, положение главы VII которого в адаптированном виде легли в основу английского SOGA (Sales of Goods Act) 1893 года (Belov, 2014).

Следует добавить, что восприятию английского общего права во многом способствовала схожесть многих правовых институтов. Например, как заметила Крашенинникова Н.А., Закон о контрактах вводил английский институт встречного удовлетворения, хорошо известный индуистскому праву (Krashennnikova, 1982).

Таким образом несмотря на то, что английское право оказало заметное влияние на развитие индийского права, не следует говорить о копировании английского законодательства и буквальном следовании английской доктрине, что прослеживается в том числе в подходах к пониманию доктрины тщетности договора и доктрины форс-мажора.

В Индии нормы, регулирующие отношения, связанные с форс-мажором (статья 32 Закона о договорах) и фрустрацией (статья 56 Закона о договорах) с одной стороны представляют собой нормы позитивного права, которые обязывают и определяют конкретные права и обязанности, с другой стороны, форс-мажор является производным от гражданского права, в частности французского права, согласно которому он относится к любому последующему событию или случайности, которые могут повлиять на способность стороны соглашения его исполнить.

Следует отметить, что в правоприменительной практике для описания условий невозможности исполнения используется достаточно сложный набор терминов с пересекающимися значениями и неопределенным применением. Как суды, так и исследователи ссылаются на невозможность (объективную или субъективную), неосуществимость исполнения, нарушение цели и форс-мажорные обстоятельства.

Индийские юристы, отмечая сходство между концепцией форс-мажора и доктриной невозможности исполнения, при этом отмечают: «Положение о форс-мажорных обстоятельствах освобождает договорное обязательство от исполнения только в случае определенного «форс-мажорного события», предусмотренного в контракте, тогда как «невозможность» охватывает другие непредвиденные обстоятельства, которые не подпадают под действие положения о форс-мажорных обстоятельствах»⁹.

Следует подчеркнуть, что термины «frustration» и «force majeure» в Законе о контрактах не упоминаются, а используется категория невозможности («impossibility»).

Так, термин «невозможность» применяется в нормах статьи 32 Закона о контрактах, посвященных институту договора, заключенного под условием. В соответствии с данным разделом если контракт предусматривает наступление неопределенного будущего события, он не может быть приведен в исполнение до того момента, пока событие действительно не произойдет. Если событие не наступает в течение определенного срока, то контракт считается недействительным, а его исполнение прекращается.

⁸ The Indian Contract Act, 25 April 1872. Режим доступа: https://www.indiacode.nic.in/handle/123456789/2187?sam_handle=123456789/1362 (дата обращения: 12.03.2024).

⁹ Raj A., Naidu V. M. Extending the Doctrine of Impossibility to Court Orders: A Conundrum//NLJ Law Review. 2021. Режим доступа: <http://nljlawreview.in/contract-law/extending-the-doctrine-of-impossibility-to-court-orders-a-conundrum> (дата обращения: 12.03.2024).

Правовые последствия первоначальной и последующей невозможности (в том числе незаконности) исполнения договорного обязательства определены в статье 56 Закона о контрактах. При этом Закон о контрактах связывает последующие невозможности последствия не с виновностью должника в ее наступлении, а с тем, знал ли и должен ли он был знать о такой невозможности. Однако, как отметил В.А. Белов, неясно, когда должник должен был узнать о наступлении невозможности исполнения. «В практике редко встречаются ситуации, когда в момент заключения договора исполнение обязательства еще возможно, но одна из его сторон (должник) точно знает, что через некоторое время оно станет невозможным» (Belov, 2014). Представляется, что в данном случае речь идет о возможном распределении рисков между сторонами в случае, если при заключении договора стороны могли предвидеть наступление определенного события, которое могло помешать исполнению. Данный подход уходит корнями в английское право, согласно которому договор не может быть признан тщетным в случае наступления события, возможное наступление которого стороны предполагали при заключении договора.

В индийском законодательстве доктрины «*force majeure*» и «*frustration*» развились посредством судебных прецедентов. Правоприменительная практика по данному вопросу формировалась на протяжении многих десятилетий, в том числе под влиянием решений английских судов. Например, указанное выше дело *Davis Contractors Ltd v Fareham UDC*, в котором Лорд Редклифф сформулировал определение доктрины фрустрации, оказало существенное влияние на судебную практику Индии.

Форс-мажор в индийской судебной практике определяется как событие, находящееся вне контроля сторон и препятствующее выполнению одной или обеими сторонами своих договорных обязательств. Так, Высокий суд Мадраса в деле «*Mohamed Hussain vs The Government Of Tamil Nadu, 2021*» указал, что оговорка о форс-мажорных обстоятельствах – это пункт в договоре, в котором указываются определенные события, наступление которых влечет за собой неисполнение договорных обязательств.

В деле «*Dhanrajamal Gobindram vs Shamji Kalidas And Co., 1961*» Верховный суд дал следующее определение форс-мажорных обстоятельств: форс-мажорные обстоятельства означают «событие или эффект, которые невозможно ни предвидеть, ни контролировать, включающие в себя как стихийные бедствия (например, наводнения и ураганы), так и действия человека (например, беспорядки, забастовки и войны). Целью данного принципа является уберечь исполняющую сторону от последствий чего-либо, над чем она не имеет контроля».

Интересным представляется решение Верховного суда по делу «*National Agricultural Coopertative Marketing Federation of India (NAFED) vs Alimenta SA, 2020*», в котором сформулированы основания применения статей 32 и статьи 56 Закона о контрактах.

Суд отметил, что положения статьи 32 Закона о контрактах применяются в тех случаях, когда в самом договоре предусмотрены непредвиденные обстоятельства, при наступлении которых договор не может быть исполнен, а также последствия их наступления.

Определяющим фактором применения статьи 32 Закона о контрактах является наличие в договоре условий, подразумеваемых или явных, предусматривающих

такую ситуацию, при которой исполнение обязательств будет считаться выполненным при наступлении условного события.

При определении того, может ли оговорка о форс-мажорных обстоятельствах быть условным договором по отношению к событию, решающим фактором обычно является изменение обязательств сторон, предусмотренных договором, при наступлении указанного события.

Если такой оговорки нет, или событие не подпадает под сферу действия форс-мажорных обстоятельств, предусмотренных контрактом, то будет применяться статья 56 Закона о контрактах. То есть положения статьи 56 Закона о контрактах касаются таких ситуаций, когда исполнение обязательства было возможно в момент заключения договора, однако из-за возникновения какого-либо последующего действия или ситуации, находящейся вне контроля любой из сторон, стало невозможным, что подорвало основу контракта.

Положения ст. 56 Закона о контрактах применяются в случаях, когда в контракте нет оговорки о форс-мажорных обстоятельствах, делающих выполнение контракта невозможным, при этом соглашение о совершении невозможного действия является недействительным. Кроме того, если после заключения контракта исполнение становится невозможным или незаконным, то такой контракт становится недействительным при наступлении такой невозможности или незаконности. Также указанные обстоятельства должны соответствовать признакам невозможности. Как только выясняется, что событие сделало невозможным исполнение контракта, контракт считается расторгнутым или недействительным, а сторона, не исполнившая обязательства, освобождается от ответственности без взыскания убытков.

Доктрина фрустрации, как отметил суд в деле «Boothalinga Agencies vs V.T.C. Poriaswami Nadar, 1968», является частью концепции прекращения обязательств в связи с невозможностью или незаконностью действия, которое стороны согласовали и, следовательно, подпадает под действие статьи 56 Закона о договорах.

Несмотря на то, что в ряде случаев суды используют невозможность (impossibility) и тщетность («frustration») как синонимы, основная идея, на которой основана доктрина фрустрации в индийском законодательстве, заключается в невозможности исполнения. Как отметил суд в деле «Delhi Development Authority v Kenneth Builders and Developers Limited, 2016» если стороны предполагают возможность возникновения обстоятельств, которые могут повлиять на исполнение договора, но прямо оговаривают, что договор будет оставаться в силе, несмотря на такие обстоятельства, доктрина фрустрации неприменима, поскольку контракт требует исполнения, несмотря на наступление определенного события, и обязательства не прекращаются в случае наступления такого события.

При этом тщетность договора («frustration») зависит от того, что на самом деле произошло, и его влияния на возможность выполнения контракта. Так, в указанном выше деле «National Agricultural Co-Operative Marketing Federation of India v. Alimenta S.A. Civil Appeal 667, 2020» суд указал, что, если одна сторона утверждает, что имела место «frustration», а другая сторона это оспаривает, суд должен решить вопрос «ex post facto» на основе фактических обстоятельств дела.

В деле «Energy Watchdog vs Central Electricity Regulatory, 2017» Верховный суд, ссылаясь на «Chitty on Contracts» (31 издание, параграфы 14–151), указал, что понятие «hindered» («затруднено») или «prevented» («предотвращено») должно толковаться с учетом слов, которые предшествуют и следуют за ним, а также с учетом

характера и общих терминов контракта и истолковал их как означающие «полностью» предотвращено или «частично» затруднено. Таким образом, судом установлено, что в данном деле непредвиденное событие (повышение цен на уголь), на которое ссылается сторона, не повлияло на цель контракта, соответственно доктрина фрустрации применена быть не может.

Определяя наличие оснований для применения доктрины фрустрации в соответствии со статьей 56 Закона о контрактах в деле «Industrial Finance Corporation of India Limited. v. Cannanore Spinning and Weaving Mills Limited, 2002» суд оценивал существование одновременно следующих трех условий: во-первых, наличие действительного и действующего договора между сторонами; во-вторых, факт неисполнения части договора, и в-третьих – исполнение обязательства по договору становится невозможным после его заключения.

Индийская доктрина невозможности исполнения шире, чем английская доктрина тщетности договора, так как охватывает как первоначальную, так и последующую невозможность, тогда как английская доктрина фрустрации применяется в случае наступления непредвиденного события, которое препятствует исполнению контракта, даже если такое исполнение было изначально возможно.

В целях нашего исследования принципиальным является решение Верховного суда по делу «Satyabrata Ghose v. Muneeram Bangur & Co, 1954». поскольку оно не только разъяснило сферу действия статьи 56 Закона Индии о договорах, но и выделило различия между английской и индийской доктриной тщетности. Фабула дела: застройщик взялся за освоение большого участка земли для постройки жилых домов. Он разделил землю на несколько участков, которые затем продал потенциальным домовладельцам. В период с 1941 по 1943 год часть участков в пределах схемы застройки были изъяты государством. Застройщик проинформировал об этом покупателя и предложил считать обязательства по сделке прекращенными. В качестве альтернативы застройщик предложил покупателю полностью оплатить участок и принять исполнение немедленно после того, когда земля будет возвращена и обстоятельства позволят завершить начатые работы. Затем застройщик указал, что, если ни один из предложенных вариантов не будет реализован, контракт будет считаться расторгнутым, а любые выплаченные суммы аннулированы. Истец не был заинтересован ни в одном из двух вариантов и подал иск о взыскании с застройщика выплаченных сумм.

Верховный суд согласился с тем, что распоряжение правительства было непредвиденным, но отказался признать, что оно существенно повлияло на контракт. Суд отметил, что срок действия распоряжения об изъятии участков был ограничен и что для застройки все еще были доступны другие участки земли. Суд также отметил, что сложности в исполнении не могут быть основанием для утверждения о том, что была затронута фундаментальная основа контракта. К тому же при заключении контракта стороны были осведомлены о возможных трудностях при исполнении обязательств по договору с учетом ведения военных действий на данной территории. Кроме того, в соглашении не были указаны конкретные сроки проведения строительства, работы должны были быть завершены в разумные сроки, которые с учетом военных событий могли быть длительными. Ключевым моментом, на который суд обратил внимание в данном деле, является то, что «Impossibility» в статье 56 Закона о контрактах означает «Impracticable», то есть «невыполнимость», а не просто буквальную физическую «невозможность». Согласно английскому праву при применении доктрины

фрустрации имеется в виду толкование подразумеваемых условий в договоре, на которых стороны основывали предположение относительно исполнения обязательств, т.е. когда непредвиденное изменение обстоятельств делает невозможным исполнение контракта, английские суды применяют принцип разумности. Индийское законодательство регулирует данные институты нормами позитивного права, а именно статьями 32 и 56 Закона о контрактах и не оставляет данный вопрос на усмотрение сторон. Невозможность, предусмотренная статьей 56 Закона о контрактах, не ограничивается чем-то, что не является физически возможным. Если исполнение договора становится невыполнимым или бесцельным, принимая во внимание предмет и цель, которые стороны имели в виду при заключении контракта, то следует считать, что исполнение договора становится невозможными. Таким образом индийская судебная практика указывает на то, что возникновение непредвиденных обстоятельств влечет за собой невозможность исполнения договора и освобождает сторону от его дальнейшего исполнения, в силу невозможности (невыполнимости), в то время как английская доктрина использует понятия «невозможность» и «тщетность» как синонимы.

Следует отметить, что, несмотря на то, что при рассмотрении споров индийские суды напрямую не ссылаются на английское право, утверждая, что «английские дела могут иметь убедительное значение и полезны только для того, чтобы продемонстрировать, как английские суды решают дела при аналогичных обстоятельствах», как это было в вышеупомянутом деле «*Satyabrata Ghose v. Muneeram Bangur & Co*, 1954», в то же время используют терминологию английской доктрины тщетности, чтобы объяснить понятие «невозможность».

Таким образом, как отметила Е.К. Терди, «несмотря на то, что индийский институт невозможности исполнения обязательств нельзя назвать прямо реципированным из английского права, он так или иначе опирается на английскую доктрину тщетности договора и по большей части соответствует ее содержанию» (Terdi, 2018).

Обычно стороны включают в условия контракта форс-мажорную оговорку, которая содержит конкретный перечень событий, которые могут оказать существенное влияние на исполнение/способность стороны выполнять контракт, а также последствия наступления таких событий. Однако зачастую стороны ограничиваются краткой, содержащей в себе открытые формулировки, оговоркой. Суды, при толковании такой оговорки как правило придерживаются принципа «*ejusdem generis*». Например, в упомянутом выше деле «*Dhanrajamal Gobindram vs Shamji Kalidas And Co*, 1961» Верховный суд истолковал условие контракта: «с учетом обычной оговорки о форс-мажоре» исходя из обычной коммерческой практики в отрасли, в которой стороны осуществляли свою деятельность.

Наряду с вышеизложенными обстоятельствами можно выделить также следующие основные моменты, которые учитывают суды при применении последствий доктрин форс-мажора и/или невозможности исполнения.

Во-первых, это непредвиденность. Обстоятельство, сделавшее невозможным и/или незаконным исполнение обязательства, должно быть непредвиденным для сторон во время их переговоров и исполнения контракта. В частности, не соответствуют признаку непредвиденности обстоятельства, которые можно было предвидеть при нормальном ведении бизнеса. Например, колебания цен и сложности в исполнении контракта не отвечают признаку непредвиденности.

Следует отметить, что российские суды также неоднократно указывали на то, что повышение среднестатистических цен на продукцию, финансовый кризис

и неблагоприятная экономическая ситуация не форс-мажор, а естественный предпринимательский риск. Однако в некоторых случаях российские суды признавали непрогнозируемый рост цен, возникший из-за геополитической ситуации и санкций, признавали в качестве форс-мажорных обстоятельств.

Российские суды также относят к предпринимательскому риску такие обстоятельства, как сложности в работе с контрагентами, транспортный коллапс и неблагоприятную погоду.

Во-вторых, индийские суды указывают, как, например, в деле «*Satyabrata Ghose v. Muneeram Bangur AIR, 1954*», что события должны быть такого характера, чтобы они существенно влияли на цель контракта. Определяя, была ли существенно затронута цель договора, суд исходит из того, являлось ли исполнение существенных обязательств, установленных сторонами при заключении договора, невозможным. В случае, если суд выяснит, что непредвиденное событие существенно не повлияло на цель контракта, оно не будет признано основанием для применения последствий тщетности договора. Как разъяснил Верховный суд в вышеупомянутом деле, сторона должна не только доказать факт наступления события, повлекшего за собой невозможность исполнения, но также обосновать, что указанное событие существенно повлияло на цель договора, которая была изначально определена сторонами.

В-третьих, сторона не может быть освобождена от исполнения своих договорных обязательств только потому, что такое исполнение стало обременительным из-за возникновения непредвиденного события. Как отметил суд в деле «*M/S. Alopri Parshad & Sons, Ltd vs The Union Of India, 1960*», изменение цен, курса валюты само по себе не является основанием для освобождения от исполнения обязательств по договору и не дает право стороне требовать вознаграждение выше, чем это было согласовано при заключении договора.

В-четвертых, сторонами должен быть соблюден уведомительный порядок. Сторона обязана уведомить вторую сторону о наступлении обстоятельств, препятствующих исполнению обязательств по контракту. Закон о контрактах, также, как и ГК РФ, не содержит норм, обязывающих сторону уведомлять контрагента о наступлении таких обстоятельств, однако суды учитывают факт такого уведомления. Кроме того, на практике стороны нередко прописывают в контрактах условие, что если одна сторона вовремя не уведомила другую сторону о наступлении непредвиденного события, то впоследствии она утрачивает возможность ссылаться на эти обстоятельства. Таким образом, несоблюдение сроков направления уведомления, а также отсутствие необходимых элементов, таких как подробное описание характера события, его влияние на исполнение договорного обязательства влечет за собой отказ в применении последствий наступления форс-мажора или тщетности договора.

Однако существуют и исключения. Так, в решении по делу «*MEP Infrastructure Developers Ltd. v. South Delhi Municipal Corporation W.P.*» от 12 июня 2020 года суд указал, что в связи с наличием уведомления Министерства автомобильного транспорта, в котором COVID-19 был определен как форс-мажорное событие, у сторон отсутствовала обязанность в части соблюдения уведомительного порядка, несмотря на то, что контракт содержал подробные обязательства сторон по уведомлению в случае наступления форс-мажорного события. Однако, по мнению исследователей,

данная практика распространяется исключительно на государственные контракты, где одной из сторон выступает государственный орган власти¹⁰.

Следует отметить, что стороны вправе при защите своих интересов рассчитывать на правовые гарантии, обеспечивающие их право на защиту, вне зависимости от вида представленных доказательств и способов их собирания и фиксации (Begichev, 2022b; Rusakova & Frolova, 2022), что особенно актуально в эпоху цифровизации и увеличения электронного документооборота (Bezbakh & Frolova, 2022).

Высокий суд Карнатака по делу «Sudarshan Cargo Pvt. Ltd. против M/s. Techvac Engineering Pvt. Ltd, 2013» подтвердил действительность переписки по электронной почте. Суд разъяснил, что сообщение, отправленное по электронной почте, подпадает под действие раздела 2(b) Закона об информационных технологиях 2000 года (The Information Technology Act, 2000). Таким образом, стороны вправе направлять уведомление о невозможности исполнения договора и/или наступлении непредвиденных обстоятельств по электронной почте, если иное не предусмотрено условиями договора.

Одной из проблем, которые сегодня стоят перед юридической наукой, является применение доктрины фрустрации и форс-мажора применительно к электронным договорам.

Статья 160 ГК РФ устанавливает правило, согласно которому при совершении сделки обязательно наличие возможности воспроизвести ее содержание в неизменном виде на материальном носителе¹¹. Индийское законодательство прямо не содержит указанные нормы.

Источниками правового регулирования правоотношений в сфере электронных контрактов в индийском законодательстве является Закон о контрактах и Закон об информационных технологиях 2000. Так, согласно ст. 10 Закона об информационных технологиях¹² «если при заключении контракта оферта, предложение сделать оферту, встречное предложение или акцепт выражены в электронной форме, такой договор не считается не имеющим законной силы только на том основании, что такая электронная форма или средства были использованы для этой цели». При этом договор должен содержать все существенные условия, установленные в статье 10 Закона о контрактах.

Представляется, что к электронным договорам доктрина форс-мажора и фрустрации применяется по аналогии с традиционными договорами, заключаемыми в письменной форме.

Исходя из проведенного анализа индийской судебной практики следует отметить, что контрагенты редко прибегают к доктрине фрустрации в силу достаточно сложных условий применения данной концепции. На практике стороны отдают предпочтение включать в условия договора оговорку о форс-мажоре, что позволяет доказать возникновение форс-мажора и добиться освобождения от ответственности, а не основываться на положениях доктрины тщетности договора.

¹⁰ Shetty Smaran and Budihal Pranav. Force Majeure, Frustration and Impossibility: A Qualitative Empirical Analysis (August 1, 2020). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3665213> (дата обращения: 12.03.2024).

¹¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024).

¹² The Information Technology Act, 2000. Режим доступа: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/15983/1/the_information_technology_act%2C_2008.pdf (дата обращения: 12.03.2024).

Заключение

Условия применения доктрины тщетности договора и доктрины форс-мажора проявляют схожие черты, такие как: внешний характер, непредвиденность, непреодолимость, возникновение события после заключения договора, так и различия: если для действия доктрины «frustration» необходимо исключение возможности исполнения обязательства и отпадение цели его исполнения, то действие института форс-мажора не всегда влечет за собой прекращение обязательств.

Концепция «форс-мажора» в индийской практике применяется в случае определенного «форс-мажорного события», предусмотренного в контракте, тогда как «невозможность» охватывает другие непредвиденные обстоятельства, которые не подпадают под действие положения о форс-мажорных обстоятельствах. При этом в индийской практике «невозможность» означает «неосуществимость», а не просто буквальную физическую «невозможность». Таким образом основным отличием концепции фрустрации от форс-мажора является влияние события на договор. При этом следует отметить, что несмотря на имеющиеся различия данные правовые институты имеют общую цель, которая состоит в уменьшении возможных убытков участников договора в случае возникновения непредвиденных обстоятельств.

References / Список литературы

- Arhipov, D.A. (2020) Modification of Obligations in the Event of Force Majeure: Theory and Practice. *Sudya*. 7(115), 59–64. (in Russian).
Архинов Д.А. Модификация обязательств при наступлении форс-мажора: теория и практика // Судья. 2020. № 7(115). С. 59–64.
- Beatson, J., Burrows, A. & Cartwright, J. (2010) *Anson's Law of Contract*. Oxford, Oxford University Press.
- Begichev, A.V. (2022a) The role of digitalization in the interaction of judicial and notarial authorities in conciliation procedures. *RUDN Journal of Law*. 26(2), 485–500. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-2-485-500> (in Russian).
Бегичев А.В. Роль цифровизации во взаимодействии судебных и нотариальных органов в применении примирительных процедур // RUDN Journal of Law. 2022. Т. 26. № 2. С. 485–500. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-2-485-500>
- Begichev, A.V. (2022b) Remote Digital Technologies for Notary Protection of the Rights of Economic Activities Participants. In: Inshakova, A.O. & Frolova, E.E. (eds.). *Smart Technologies for the Digitisation of Industry: Entrepreneurial Environment. Smart Innovation, Systems and Technologies*, vol 254. Springer, Singapore. pp. 165–178. https://doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_14
- Belov, V.A. (2014) Indian Law on Treaties of 1872 (General Information, General Commentary, Original Text and Russian Translation). *Journal of Jurisprudence*. 6(317), 143–205. (in Russian).
Белов В.А. Индийский Закон о договорах 1872 года (общие сведения, общий комментарий, оригинальный текст и русский перевод) // Правоведение. 2014. № 6(317). С. 143–205.
- Bezbakh, V.V. & Frolova, E.E. (2022) Augmented Reality and Civil Law Regulation of Business Relations. *Smart Innovation, Systems and Technologies*. (254), 29–37. https://doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_3
- Ennekcerus, L. & Kipp, T., Wolf, M. (1950) *Course of German Civil Law*. Genkin, D.M. & Novitsky I.B. (eds.). Transl. from the 13th German by K.A. Grave et al. Foreign Literature Publishing House. (in Russian).

Эннекцерус Л., Кунп Т., Вольф М. Курс германского гражданского права / пер. с 13-го нем. изд. К.А. Граве и др.; под ред. Д.М. Генкина и И.Б. Новицкого. М.: изд-во иностранной лит., 1950. 483 с.

Fonotova, O.N. & Indinok, P.D. (2022) Execution of International Commercial Contracts in the Context of the COVID-19 Pandemic: Foreign and Russian Legal Regulation. *Zakonodatel'stvo*. (5), 63–70. (in Russian).

Фонотова О.Н., Индинок П.Д. Исполнение международных коммерческих контрактов в условиях пандемии COVID-19: зарубежное и российское правовое регулирование // Законодательство. 2022. № 5. С. 63–70.

Gimadrislamova, O.R. & Timofeeva, K.S. (2021) Correlation of Russian Institutions of Force Majeure and Termination of Obligation with the English Doctrine of Frustration. *Eurasian Law Journal*. 1(152), 187–190. <https://doi.org/10.46320/2073-4506-2021-1-152-187-190> (in Russian).

Гимадрисламова О.Р., Тимофеева К.С. Соотношение российских институтов форс-мажора и прекращения обязательства с английской доктриной frustration // Евразийский юридический журнал. 2021. № 1(152). С. 187–190. <https://doi.org/10.46320/2073-4506-2021-1-152-187-190>

Kanashevsky, V.A. (2008) *Foreign Economic Transactions: Substantive and Conflict Regulation*. Moscow, Wolters Kluwer Publ. (in Russian).

Канашевский В.А. Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизионное регулирование. М.: Волтерс Клувер, 2008. 608 с.

Korshunova, N. P. (2008) Insuperable Force: A New Sight at the Old Problem. *Journal of Russian Law*. 3(135), 78–93. (in Russian).

Коршунова Н. П. Непреодолимая сила: новый взгляд на старую проблему // Журнал российского права. 2008. № 3 (135). С. 78–93.

Krashennnikova, N.A. (1982) *Hindu Law: History and Modernity*. Preface by O. Zhidkov. Moscow, MSU Publishing House. (in Russian).

Крашенинникова Н.А. Индусское право: история и современность / предисл. О. Жидкова. М.: изд-во МГУ. 1982. 192 с.

Lukashuk, I.I. (2007) Issues of Responsibility in the Law of Treaties. *International Public and Private Law*. (1), 2–4. (in Russian).

Лукашук И.И. Вопросы ответственности в праве договоров // Международное публичное и частное право. 2007. № 1. С. 2–4.

Novitskii, I.B. & Pereterskii, I.S. (eds.). (2014) *Roman Private Law: Textbook*. Moscow, KNORUS Publ. (in Russian).

Римское частное право: учебник / коллектив авторов; под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М.: КНОРУС, 2014. 608 с.

Pirviz, E.E. (2010) The Meaning of Guilt, Chance and Force Majeure in Civil Law. Part Two. *Civil law review*. (6), 146–206. (in Russian).

Пирвиц Э.Э. Значение вины, случая и непреодолимой силы в гражданском праве. Часть вторая // Вестник гражданского права. 2010. № 6. С. 146–206.

Protopopova, O.V. & Botvinnik, S.L. (2020) Doctrine of frustration of contract in English law. *Economic Problems and Legal Practice*. (6), 159–164. (in Russian).

Протопопова О.В., Ботвинник С.Л. Доктрина frustration of contract в английском праве // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. № 6. С. 159–164.

Rao, T.S.R. (1958) Conflict of laws in India. *Zeitschrift Für Ausländisches Und Internationales Privatrecht*. 23(2), 259–279. Available at: <http://www.jstor.org/stable/27873899>

Rusakova, E.P. & Frolova, E.E. (2022) Current Problems of Digital Justice in the BRICS Countries. *Smart Innovation, Systems and Technologies*. (254), 143–153. https://doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_12

Terdi, E.S. (2018) English Model of Impossibility of Performance of Obligation: History of Formation and Peculiarities of Reception (on example of India). *Russian Justice*. 6(146), 22–46. (in Russian).

Терди Е. С. Английская модель невозможности исполнения обязательства: история становления и особенности рецепции (на примере Индии) // Российское правосудие. 2018. № 6. (146) С. 22–46.

Tololaeva, N.V. & Tserkovnikov, M.A. (2023a) Scientific and Practical Commentary on the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 7 of March 24, 2016 On Court Application of Certain Provisions of the Civil Code of the Russian Federation Regarding Liability for Breach of Obligations (Beginning). *Civil Law Review*. (5), 153–199. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2023-23-5-153-199> (in Russian).

Тололаева Н.В., Церковников М.А. Научно-практический комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (начало) // Вестник гражданского права. 2023. № 5. С.153–199. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2023-23-5-153-199>

Tololaeva, N.V. & Tserkovnikov, M.A. (2023b) Scientific and Practical Commentary on the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 7 of March 24, 2016 On Court Application of Certain Provisions of the Civil Code of the Russian Federation Regarding Liability for Breach of Obligations (Finale). *Civil Law Review*. (6), 133–197. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2023-23-6-133-197> (in Russian).

Тололаева Н.В., Церковников М.А. Научно-практический комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (окончание) // Вестник гражданского права. 2023. Т. 23. № 6. С. 133–197. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2023-23-6-133-197>

Сведения об авторах:

Бегичев Александр Валерьевич – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0009-0003-4329-9938

e-mail: begichev100@mail.ru

Цандер Яна Меркурьевна – аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0001-8898-1234

e-mail: janastr@mail.ru

About the authors:

Alexander V. Begichev – Doctor of Legal Sciences, Full Professor of Department of Civil Law and Civil Procedure and Private International Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0009-0003-4329-9938

e-mail: begichev100@mail.ru

Yana M. Tsander – graduate student of Department of Civil Law and Civil Procedure and Private International Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-8898-1234

e-mail: janastr@mail.ru